

КНИЖНАЯ
ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Почему этот город именно
такой, а не иной, и как он
формирует людей

ПЕТЕРБУРГ: ТАЙНЫ, МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ

Андрей Буровский

Гений места,
рождающий гениев

Книжная лавка писателей

Андрей Буровский

**Гений места, рождающий
гениев. Петербург как
социоприродный феномен**

2017

УДК 008 + 71
ББК 63.3 + 70

Буровский А. М.

Гений места, рождающий гениев. Петербург как
социоприродный феномен / А. М. Буровский —
2017 — (Книжная лавка писателей)

ISBN 978-5-906150-96-7

В Петербурге становится реальным то, что в любом другом месте покажется невероятным. Наводнение — бытовое явление. Северное сияние — почти каждую зиму, как и дождь в новогоднюю ночь. Даже появление привидения не очень удивляет. Петербуржцев скорее удивит отсутствие чудес. Петербург можно любить или не любить. Но мало кому удавалось игнорировать город. Равнодушных к Петербургу почти нет; лишь единицы смогли прикоснуться к нему и продолжать жить так, словно встречи не произошло. В Петербурге постоянно что-то происходит в самых разных областях культуры. Он будит воображение, заставляет быстрее думать. Петербург — родина огромного количества инноваций и в России, и во всей Европе. Здесь были созданы теории, определяющие современную научную картину мира, здесь совершены научно-технические открытия и разработки, лежащие в основе современной цивилизации. Все это стало возможным благодаря уникальным качествам Петербурга как месторазвития — единства социально-исторической среды и занимаемой ею территории. Эта книга — о том, почему наш город именно такой, а не иной, и как он формирует людей.

УДК 008 + 71

ББК 63.3 + 70

ISBN 978-5-906150-96-7

© Буровский А. М., 2017

Содержание

Введение	6
I	9
Глава 1. Мир, который построила наука	9
Глава 2. Петербург – странности судьбы	17
Глава 3. Непостижимое место Петербург	26
Глава 4. Город на стыках	28
Глава 5. Город – патогенная зона	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Буровский

Гений места, рождающий гениев. Петербург как социоприродный феномен

Введение

Nullus enim locus sine genio est

(Ибо нет места без гения).

Сервий Мавр, римский грамматик

Каждый город – единственный в своем роде, удивительный и неповторимый. Каждый город любят хотя бы некоторые из его жителей. Каждый город хоть чем-то интересен.

Но Петербург удивительнее, неповторимее, загадочнее всех известных мне городов. Он вызывает больше всего различных эмоций – и у его обитателей, и у всех, кто хотя бы ненадолго посетил город.

Не в величине города дело. В Москве, Париже и Лондоне жителей заметно больше. Вена, Мюнхен, Мадрид, Берлин и Рим лишь ненамного меньше Петербурга. Все это города яркие и интересные, сыгравшие в истории яркие роли.

Но как бы оригинальны и прекрасны ни были Париж, Лондон и Берлин, даже эти прекрасные исторические города, столицы великих народов и империй, похожи друг на друга в большей степени, чем каждый из них – на Петербург.

Петербург – совершенно исключительное явление во всей русской, а может быть – и в мировой истории. Петербург уже чисто зрительно, по самым первым впечатлениям, необыкновенен, удивителен и отличен ото всех других городов.

Петербургцы сильнее отличаются от жителей остальной России, чем жители любых других городов и местностей. Житель Кубани скорее договорится с обитателем Восточной Сибири, чем оба они поймут петербуржца.

Особенности города проявляются решительно во всем. В том числе и в уровне общей культуры жителей Петербурга. Это город, в котором пролетарий пришел делать ремонт, – и тут же завис около книжной полки. Один сибирский ученый-историк в Петербурге от избытка эмоций свалился с инфарктом: вырвавшегося от жены, его заворожила девушка, выражаясь словами президента, «с пониженной социальной ответственностью», а она, оказывается, читала его сочинения. Стала цитировать его рассказы об истории Сибири и попросила автограф...

Москвичей уже не удивляет, что в Петербурге шоферы такси могут спорить о сочинениях Сартра или обсуждать французских импрессионистов. Провинциалы еще удивляются, но часто срабатывает репутация Петербурга как во всем удивительного города: самые невероятные происшествия, случающиеся здесь, кажутся естественными.

В массовом сознании Петербург – город в первую очередь гуманитарной культуры. Вполне заслуженно, но за этой репутацией теряется: Петербург был и остается российским, а во многом и европейским, и мировым лидером во множестве научных направлений.

Проводить сколь-нибудь подробный анализ, даже просто перечислять не получится – потребуется целая библиотека. Намечу максимально коротко некий обобщающий список того, что произошло в Петербурге.

Становление российской науки, отличной от европейской по духу и по методологии:

- привлечение европейских (в основном немецких) ученых в Россию и учение у них;
- освоение пришедшего из Европы аналитического естествознания;
- становление традиции «синтезного» естествознания, более соответствующей российскому культурному наследию;
- возникновение русской школы физиологии и неврологии;
- становление русской школы психологии, комплексно изучающей человека на основе физиологии;
- идея комплексного изучения физиологии и психологии человека.

Достижения в фундаментальной науке:

- картина нестационарной расширяющейся Вселенной А. А. Фридмана.
- теория галактик В. Я. Струве и барона фон дер Палена;
- основы звездной астрономии, заложенные В. Я. Струве, первым директором Пулковской обсерватории (династия Струве дала миру нескольких ученых, в том числе одного из крупнейших астрофизиков XX века, Отто Струве. Грустно, что отпрыски этой семьи вынуждены были реализовывать себя не в России, а за океаном);
- периодическая система элементов;
- теория биосферы;
- теория почвы как особого природного тела;
- теория центров происхождения культурных растений;
- теория высшей нервной деятельности.

Организация науки и ее связь с практикой:

- идея систематического изучения природных ресурсов России;
- идея преобразования природы и повышения продуктивности сельского и лесного хозяйства;
- идея облесения степи;
- идея электрификации России;
- разработка системы парового центрального отопления.

Достижения в технических науках:

- радио А. С. Попова;
- электромагнитный телеграф П. Л. Шиллинга;
- подводная лодка, миноносец и ледокол адмирала С. О. Макарова;
- металлография Д. К. Чернова;
- многомоторный самолет, пассажирская авиация, вертолет И. И. Сикорского;
- метод гальванопластики, первый в истории электродвигатель, первый телеграфный аппарат Б. С. Якоби.

Развитие гуманитарных наук:

В гуманитарных науках часто важнее не само открытие, а скорее личность ученого и предлагаемые им обобщения. Так вот, в Петербурге работали великие историки Карамзин, Соловьев и Ключевский. Здесь была создана история Римской империи, в которой показано почти полное отсутствие рабства. Ее автор, М. И. Ростовцев, – один из крупнейших археологов и историков XX столетия (в 1928–1937 годах он руководил раскопками античного города Дура-Европос в Сирии. Эти открытия совершили революцию в представлениях о древней истории).

Во второй половине XIX в. сформировалась национальная российская научная школа военного востоковедения, одна из сильнейших наряду с ведущими в мире английской, голландской, французской и немецкой школами. А уже при советской власти:

- Ю. В. Кнорозовым была дешифрована иероглифическая письменность майя;
- родилась теория этногенеза Л. Н. Гумилева;
- возникла теория «эшелонированной археологии» Л. Н. Клейна;
- возродилась школа востоковедов, школа археологии палеолита, школа славяно-русской археологии;
- возникла школа кавказоведии И. А. Орбели.

Вообще, мимо Петербурга не проходит ни одна значительная научная и научно-техническая новация, сколь-нибудь значительная в масштабах России и даже всей Европы.

В лучших примерах некоторые иные города разделяют с СанктПетербургом почетное место «первых», в которых нечто началось. Например, в Харькове одновременно с Петербургом появились аэродинамические трубы.

В любой области местные уроженцы, потомственные петербуржцы, играют большую роль, а очень часто именно им принадлежит ведущая роль – притом, что «конкурентами» – то является все население Российской империи.

Можно сформулировать несколько вытекающих из этого то ли принципов, то ли правил:

1. Научные открытия и обобщения, наиболее значимые в масштабе Российской империи и СССР, почти всегда возникают именно в Санкт-Петербурге.
2. Если из России исходят открытия и инновации европейского и мирового уровня, как правило, они тоже родом из Санкт-Петербурга.
3. Инновации, которые возникли в России вне Петербурга, становятся общероссийскими или общеевропейскими только после развития этого явления в Санкт-Петербурге.

Классика научной жизни СССР – противостояние московской и петербургской школ во всех решительно направлениях науки. Причем очень часто московская школа, которая оплачивалась намного лучше, которой благоволило начальство, фактически становилась школой всесоюзного масштаба.

Всей своей «советской» судьбой Санкт-Петербург показал: он в состоянии существовать и проявлять свои удивительные качества, не будучи центром колоссальной империи. Россия очевидно потеряла от того, что город перестал быть ее столицей. А вот потерял ли Петербург? Не очень, потому что Петербург и сегодня играет особую роль в научной и культурной жизни России.

Возникает естественный вопрос: почему? И еще один, не менее естественный: коль скоро мы говорим о науке, неплохо бы разобраться – что же такое наука?

Первая часть книги по неизбежности посвящена раскрытию вопросов, что, собственно, развивается, и где. Определившись с этим, займемся описанием людей и мест, составляющих сам феномен.

I

ПЕТЕРБУРГ КАК МЕСТОРАЗВИТИЕ

Глава 1. Мир, который построила наука

Что такое наука? Я использую очень простое определение науки, которое наверняка вызовет возмущение части уважаемых коллег. Итак: наука – это система рационального, верифицированного, объективированного, в какой-то мере систематизированного знания. Наука – это форма сознания, имманентно присущая человеку. Не только сапиенсу, а всему роду homo. Возможно, всем высшим животным.

Место науки в культуре

Наука развивается по мере того, как рациональное знание становится все более важным для решения общественных, производственных, военных и политических задач. Во всех цивилизациях и регионах Земли всю их историю поступательно растет ее статус и статус отдельного носителя знания (ученого). В Европе это проявляется в том, что рационализируются формы философского знания. Звучат требования поставить эксперимент на место авторитета (тезис «нельзя же верить Аристотелю только потому, что он Аристотель, если он врет»). Венчает дело философская система Фрэнсиса Бэкона, заложившего основы того, что сейчас называют «методологией науки».

В Новое время (обычно называют эпоху между 1648 и 1914 гг.) наука, став основой научно-технического прогресса, сделалась неофициальной религией Запада. Пресловутая «борьба науки с религией» и беснования Просветителей на том и основаны.

Культ науки хорошо иллюстрируется тем, что в петербургском университете, на Менделеевской линии, в XIX веке построили специальный зал для публичных лекций. Он всегда был забит. Там раз или два раза в год выступали Бутлеров, Менделеев, Докучаев. Это не следствие «особой духовности России»? Действие «Затерянного мира» началось с публичной лекции профессоров Челленджера и Саммерли об эволюционной теории. На этой лекции присутствовали лорды, предприниматели, прочие столпы общества. Сегодня много людей придет? И в России, и в Британии?

Я был на публичных лекциях Академии наук в конце 80-х годов прошлого века. Туда приходили 2–3 старушки. А вот на митинги сбегались тысячные толпы. Лев Гумилев эти толпы с любопытством изучал... Но его на улицах не узнавали. А вот Новодворскую! В XIX веке на лекции ученых, порой посвященные довольно узким темам, приходила верхушка образованного петербургского общества.

В мире, который построила наука

В эпоху Просвещения и весь петербургский период силу рационального знания весомо демонстрировали океанские суда, инструменты, могучие машины. Европейцы плыли через океаны, проверяя свое местоположение по небесным светилам, с помощью подзорной трубы и астролябии.

В XIX веке загудели паровозы и пароходы, наука дала новые небывалые возможности. Власть человека над миром была основана на рациональном знании о мире. Чтобы добиться

этой власти, надо было позволить науке отвергать традиции, низвергать авторитеты, ставить эксперименты, создавать гипотезы и теории. Сложился культ науки, он стал почти неофициальной религией Запада.

Петр I объявил вход в Кунсткамеру бесплатным. Одно время посетителям даже подавали рюмку водки и пирожок на закуску! От этой практики пришлось вскоре отказаться из-за наплыва любознательных, но каков пафос приобщения людей к просвещению!

...А потом культ науки сошел на нет. Прекратился. Причин этого упадка три, и они очень просты. Классическая наука сделала, что могла: заложила основы прогресса. Классическая наука начала превращаться в некую новую религию. Наука стала общественным институтом со штатом хорошо оплачиваемых жрецов.

Привычная основа прогресса

Уже давно, в начале XIX века, с появлением институтов и выпуском узких специалистов, появилась технонаука: специалисты в областях, которые невозможны без науки фундаментальной.

Да, наука создала современную медицину, архитектуру, строительство, производство... по сути дела всего. Но сегодня технонаука вполне может существовать и развиваться без фундаментальной науки. Она все более становится формой интеллектоемкого производства, родом деятельности крупных компаний. Скорее предпринимательством, чем теоретизированием. Но одновременно наука пытается объяснить мир. Одновременно наука – это идеология.

От науки – к идеологии

Превращение науки в идеологию начали французские Просветители XVIII века, создавая «Энциклопедию», которая вовсе не была замыслена как справочник, подобный нынешним.

Термин «энциклопедия» возник в древнем мире. «Энциклос пайдейя» означало по-гречески «круг знаний». Этим «кругом» должен был овладеть всякий. Содержание «круга» составляли семь свободных искусств, прочие знания считались практическими сведениями и в область высокой науки не входили.

В 1728 году в Англии была издана двухтомная «Энциклопедия» Эфраима Чемберса – очень неудачная попытка создать универсальную энциклопедию, включающую и практические сведения. Она дала толчок к созданию и французской энциклопедии, которую тоже называют Великой – как и спровоцированную ею революцию.

В 1745 французский издатель Ле Бретон решил перевести и издать во Франции «Энциклопедию» Чемберса. Он дважды предлагал работу разным лицам, но их труд в конце концов Ле Бретона не устроил. В 1747 работа по переводу была предложена Дени Дидро: он работал очень качественно, а плату предложили ему смешную, 100 франков в месяц. В конце концов издание «Энциклопедии» принесло Дидро 60 тыс. ливров, а Ле Бретону и его компаньонам – 3 млн ливров.

Работая над переводом Чемберса, Дидро задумался об издании собственной, французской энциклопедии. Эту идею он разрабатывал 25 последующих лет. Дидро стал организатором, ответственным редактором и автором большинства статей по точным наукам.

В 1750 году появился проспект издания, которое получило название «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Между 1751 и 1766 годами вышло 28 томов (17 томов текста, 60 тысяч статей и 11 томов «гравюр», иллюстраций к тексту. Оставшиеся

тома энциклопедии были написаны другими авторами в 1777-м, а 2 тома индекса (указателей) – в 1780-м.

Состав авторов энциклопедии включает 183 человека, в том числе ведущих философов, экономистов, ученых Франции XVIII века. Д'Аламбер, Кондильяк, Кене, Тюрго, Монтескье, Руссо, Вольтер, Жокур... – созвездие знаменитостей.

Но самое главное – энциклопедия была вовсе не справочником, а пропагандистским изданием. Она «просвещала», а не информировала. Французская «Энциклопедия» стала программной книгой эпохи Просвещения. Дидро и коллектив авторов хотели создать книгу, в которой заключались бы все позитивные знания во всех отраслях знания. Это была попытка подвести итог цивилизации.

Энциклопедия сделалась манифестом идей Просвещения. Ее создатели видели инструмент, при помощи которого они уничтожат суеверия, откроют доступ ко всем знаниям и докажут пользу рационального познания. Религия в энциклопедии рассматривалась как ветвь философии, в книге оспаривались католические догмы, похвально отзывались о протестантизме...

Французское государство защищалось крайне наивно, путем введения запретов. В 1745 году во Франции вышел указ, по которому за издание, хранение и распространение литературы, подрывающее основы религии, издателям грозила смертная казнь. В 1764 году Королевский совет специальным указом запретил касаться в любых книгах вопросов государственной политики и финансов.

Неприятности у издателей начались уже с издания проспекта будущей энциклопедии, который был необходим для сбора денег по подписке, чтобы осуществить само издание. Издателей пытались обвинить в плагиате, усилить цензурные требования к изданию, а 8 марта 1759 года Королевский совет специальным постановлением даже запретил продавать или распространять уже изданные тома. Весь период издания проходил в напряженной борьбе: энциклопедию осуждали, пытались прекратить финансирование подписчиками, конфисковали уже изданные тома.

Полиция арестовала Дидро и препроводила его в Венсенскую тюрьму. Причиной ареста послужила одна из публикаций Дидро, в которой он позволил себе критиковать католическое духовенство. Арест продолжался полтора месяца. Как только Дидро оказался на свободе, он снова принялся за свою работу.

Значение Энциклопедии

«Энциклопедия» получила широкое распространение. Вначале она выходила по подписке. В первый раз откликнулось более 2000 подписчиков. Она выходила громадным тиражом 4250 экземпляров (в XVIII веке тираж книг редко превышал 1500 экземпляров) и несколько раз переиздавалась.

В 1772 г. начала выходить «Британика» в Эдинбурге, а с XIX столетия энциклопедии стали издавать в Германии, Испании, России. Все они были вдохновлены опытом первого издания. Во многих странах, включая Россию, появились полные и частичные переводы статей французской энциклопедии.

Многие ученые полагают, правда, что «культ разума» очень помешал нормальному развитию цивилизации¹. На чем основывается это мнение, свидетельствует известный факт о том, что в энциклопедии не раз публиковались откровенно ложные сведения, вводящие читателя в заблуждение.

¹ Ролстон С. Д. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. – М.: АСТ, 2007.

Энциклопедия создавалась в убеждении, что все основные открытия уже совершены, человечество знает все, что ему необходимо, и остается только убедить людей в пользу разума. В частности, высказывалось мнение, что давно открыты все виды животных и растений. Выдающийся зоолог Жорж Леопольд Кювье был убежденным сторонником этой идеи, но именно он был вынужден дополнить классификацию несколькими новыми видами – в том числе крупнейшим представителем тапиров, чепрачным тапиром из Юго-Восточной Азии.

И еще: в энциклопедии не было представлено статей с названием «Россия». На одной из опубликованных в ней карт на месте европейской России стояло: «Московия», а за Уралом значилась «Великая Татария». А на некоторых картах прямо за Уралом начинался... Китай.

Вероятно, это фантастическое невежество стало одной из причин, погубивших армию Наполеона в 1812 году. Известно, что незадолго до переговоров в Тильзите в 1811 году Наполеон посылал в Китай дипломатическую миссию: попытаться заключить с Китаем союз против России. Логично: если китайский император может двинуть войска на Москву прямо от Челябинска и Оренбурга, то почему бы и нет? Остается сожалеть, что Наполеон не собирався заключить такой же союз с монгольским ханом, монархом Великой Татарии, – ведь она тоже показана на картах, опубликованных в энциклопедии.

Одну из карт, где за Уралом сразу начинался Китай, обнаружена в материалах походной канцелярии начальника штаба Великой Армии Бертье. Русские редакторы советского времени отказались публиковать эту карту.

Кто такие ученые сегодня?

При встречах британских ученых, позже организовавших Королевское научное общество, выяснилось: из 300 ученых джентльменов 298 имеют собственные средства. Для одного небогатого джентльмена остальные 298 устроили складчину, и он до конца своих дней жил на эту пенсию. Еще одного коллега взял к себе в имение в библиотекарю. Взятшего звали Френсис Бэкон. Библиотекаря – Томас Гоббс. Два знаменитых философа.

Сегодня все наоборот: редкий ученый имеет свои частные источники существования. С одной стороны, это хорошо: наука перестала быть занятием богатых людей. С другой, очень плохо: наукой стало можно зарабатывать.

В XIX веке ученых и вузов было мало. Стать профессором – значило сделать серьезную карьеру. Это значило вдумчиво преподавать для небольшого числа студентов, быть материально обеспеченным и занимать высокое положение в обществе. Этаким «младший брат» аристократии.

Ученый в наше время – это преподаватель, сотрудник академического или отраслевого института. То есть чиновник. Это уже не ученый, строго говоря, а научный сотрудник – разницу не так трудно понять. Научных сотрудников немало, их деятельность не особенно элитна. Студентов множество, для них действует своего рода «производство дипломов».

Возникла система государственных или государственно-частных учреждений – каждое со своим бюджетом, штатным расписанием, своей бухгалтерией, отделом кадров и начальством. Работая в таком учреждении, ученый зависит от зарплаты. Работая в системе, ученый поневоле принимает правила жизни в системе. Становится научным сотрудником.

Научный сотрудник зависит и от начальства, и от уважаемых коллег. Всякий знающий человек вам подтвердит, что лучше бы зависел от начальства... У начальника еще могут появляться зачатки совести, а у «коллектива» – никогда.

Коллектив не имеет ни совести, ни стыда, ни чести, ни представления о приличиях. Тем более коллектив не знает стремления к истине и вкуса к научным исследованиям. Коллектив имеет интересы. Коллектив знает, как их защищать.

Коллектив отстаивает не истину, а свои корпоративные интересы. Если научный работник хочет есть (а он хочет) и притом не умеет зарабатывать на жизнь по-другому, кроме как научной работой (а он не умеет) – ему приходится входить в какие-то кланы, сообщества, междусобойчики. Находясь в них, он добывает и делит деньги, а потом на них еще и обедает. Но и корпоративной дисциплиной повязан.

Пресловутая советская наука конца 1980-х – это система, в которой из 600–800 сотрудников Академического института работали 30–80. Остальные «гордились общественным строем» и ролью интеллигенции в мировой истории.

С 1953 по 1989 в СССР выросло три поколения научных работников, которые могли получать зарплату заметно выше средней. И притом почти ничего или вовсе ничего не делать.

Но именно эти васисуалии лоханкины²голосовали на ученых советах и при защите диссертаций. Они могли решать, кому давать ученые степени, должности и средства для исследований. Разумеется, крупные личности их раздражали еще больше, чем крупные темы исследований.

Там, где нет необходимости выдавать результат, творческим личностям душно. Где нет возможности заработать, процветает мироедство.

Фактически после Первой мировой войны в Европе и к 1990-м годам в России в официальной науке остались люди четырех типов:

1. Успешные мироеды, сумевшие успешно возглавить иерархическую систему и живущие за счет более талантливых, но зависимых от них коллег.
2. Люди умные, но слабые и пассивные. Они боятся делать собственную судьбу, и потому за их счет паразитируют мироеды.
3. Люди старших поколений, которым просто поздно бежать. Доживатели.
4. Неудачники, которые сваливаются в науку как на всякое другое дно жизни.

Официальную науку представляют мироеды. В темных костюмах и при галстуках, они масляно улыбаются с экранов телевизоров и требуют от имени корпорации, чтобы все общество:

- приняло научную мифологию, включая бредовые идеи Мирабо и подделки Геккеля и Гора;
- признало современных ученых наследниками Аристотеля, Геккеля, Дарвина и Мирабо, считало бы их носителями истины в последней инстанции и соответственно оплачивало их труды.

Фундаментальная наука все меньше и меньше дает. Чиновники выделяют все меньше средств. Эти средства жадно расхищаются мироедами, возглавляющими корпорацию... На саму науку как таковую попросту не остается. Наука все меньше объясняет мир, в котором мы живем, занимаясь мелкими частными исследованиями. Наука все больше зависит от частных и корпоративных подачек, красиво именуемых грантами. Естественно, она все меньше интересуется обществом. Тем более, выдают результат общественности опять же мироеды от науки. Кому нужны прилизанные глупые чиновники?

² Молодежь наверное, и не помнит, кто такой Васисуалий Лоханкин. А это персонаж книги Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Бездельник и дармоед, у жены которого было два хороших качества: большая белая грудь и служба. Не комментируя первого достоинства жены Виссисуалия, о втором замечу: сам-то Виссисуалий Лоханкин нигде никогда не работал. Он ел и пил за счет жены, а в свободное от еды и сна время размышлял о судьбах русской интеллигенции.

«Священная корова» и кормилица

Фразу «для одних наука – дойная корова, а для других – богиня», молва приписывает Генриху Гейне. Сказать по правде, я мало его читал, но в том, что успел прочесть, этих слов не нашел. Саму же исходную идею нахожу просто бредовой, потому что обожествляют именно дойных коров. Тех, что приносят пищу: вкусное парное молоко.

То, что кормит, то и обожествляется. Крестьянин поклоняется земле и корове, что ничуть не мешает ему пахать и доить. Он и поклоняется именно тому, что требует его трудовых усилий, но в награду дает хлеб и молоко. Точно так же ученый поклоняется науке, почитает науку, любит науку. Что нимало не мешает ему этой наукой заниматься: собирать факты, обобщать их, проверять, строить гипотезы и теории. И сегодня рождаются новые концепции – масштаба теорий Коперника и Фридмана. Но какое отношение к ним имеют 99 % научных работников?! Современный научный работник подобными глупостями не занимается.

У лабораторий и кафедр есть плановые темы исследования. Уважаемые коллеги и заняты решением частных вопросов этих плановых тем. Они пишут статьи и читают доклады под сомнительными названиями. Появилось даже такое обидное слово: мелкотемье.

Современная официальная наука поклоняется корове, которая давно издохла от неумелого выпаса и скверного корма. Институты современной официальной науки и в России, и за рубежом – это поклонение корове, которая была, но которой уже нет. Уважаемые коллеги даже не смогли снять с нее шкуру – потому что руки у них растут из того же места, в котором располагаются их умственные способности. А использовать тушу дохлой коровы для прикорма они тоже не могут, потому что волков и медведей боятся еще больше, чем своих жен и начальников. Если сотрудники любого сектора или отдела современного академического института увидят поблизости волка – придется их лечить от заикания.

Всякий умеющий работать в науке для этого общества опасен уже как заведомо успешный конкурент. Отношение к нему, к этому непонятному человеку, примерно как к пришельцу из иных миров или иных времен. К призраку того самого древнего ария, который обожествлял коров, но притом умел обращаться с живыми коровами и извлекать из них пользу. Для отторжения тех, кто не входит в их сообщество, научными работниками применяется ритуал изгнания злых духов. Сообщают с умным видом:

– Это ненаучно!

Так жрецы «истории КПСС» или «научного коммунизма» говорили недавно – о теории Гумилева, например, – с таким же точно выражением:

– Это не исторический материализм!

Научные работники искренне удивляются, что никто не боится их погрешек и шариков из жеваной бумаги. Кого только не объявляли «не ученым»! На тех, кто умеет пасти коров, доить молоко и делать из него сыр, официальные ученые очень сердятся и стараются их всячески пугать.

Несколько лет назад один уважаемый коллега «пригрозил» мне, что если я буду и дальше писать свои ужасные книги, три с половиной уважаемых коллеги проведут ученый совет и на нем меня сурово осудят. Даже в высшую инстанцию, в головной институт бумагу напишут.

Обижать юродов нехорошо, но ведь и ученые тоже люди. Я смеялся до икоты, утирая слезы со щек, а уважаемый коллега тоненько визжал и стучал себя кулачками в грудь, как сексуально озабоченная макака.

Кто сегодня занимается наукой?

Да не поймет меня читатель так, будто в наше время не занимаются наукой. Занимаются. Но те, кто занимается реальной наукой, в 9 случаях из 10 делают это не в официальных научных учреждениях.

Тур Хейердал всю жизнь был персоной «нон грата» для академических ученых. Он мог плевать на их позицию по очень простой причине: Хейердал начинал жизнь сыном небедного человека, а к зрелым годам научился сам зарабатывать деньги. В том числе издавая увлекательные книги, выходявшие серьезными тиражами. Но мне иногда становится страшно при мысли: а что, если бы он родился в семье рабочего или мелкого служащего?! И занимался бы всю жизнь плановыми темами типа: «К вопросу о форме ритуальной чесалки для спины острова Фату-Хива»?

Арнольд Тойнби прожил жизнь высокопоставленного чиновника в лондонской школе экономики, а с 1929 по 1955 годы – директора Королевского института международных отношений. Свою цивилизационную теорию он разрабатывал в свободное от служебных обязанностей время.

Лев Гумилев, даже когда не сидел в лагере, занимал очень скромное положение в обществе. Свою первую и последнюю квартиру он получил буквально за два года до смерти.

Общее у этих трех ученых эпохального масштаба то, что они не имели к официальной науке почти никакого отношения. Скорее, они находились в постоянных конфликтных отношениях с официальными институтами науки и с подавляющим числом уважаемых коллег.

Точнее сказать, это уважаемые коллеги и возглавляемые ими «храмы науки» находились в конфликтных отношениях с Хейердалом и Гумилевым. У тех на интриги времени всегда не хватало, они были слишком заняты. Они не высказывались о том, что такое наука и ненаука, не боролись за прогресс и не колотили в бубен, взывая к теням Дарвина и Геккеля. Причина все та же: им некогда. Ученые – очень занятые люди. Они знают – их жизнью и так не хватит для изучения всего, что им интересно.

Люди признают ценность науки. Они снимают шляпу при появлении Гумилевых и Тойнби... Но люди не согласны оплачивать частные малоинтересные исследования – бесконечные повторы и уточнения того, что уже известно...

Петербург породил огромное количество ученых и рождает их сейчас. Но ученые в разное время трудились в очень разных условиях. До середины XIX века это были в основном представители образованной и богатой верхушки общества (или те, кто пристроился в тени этих богатых и знатных). С конца XIX и до конца XX века – это сотрудники высших учебных заведений или разного рода академических или прочих научных учреждений. В советское время у них как-то и не было других возможностей, кроме как трудиться в этих «храмах науки». С середины XX столетия все чаще и чаще ученые оказывались отторгнуты академической средой. В советское время они были маргиналами этой среды (Льва Гумилева не пускали на исторический факультет, он преподавал на географическом, фактически читая публичные лекции; Льва Клейна попросту посадили в тюрьму, подыскав подходящую статью).

Сегодня ученый сможет вернее всего реализовать себя, став предпринимателем и работая на самого себя. Или – став человеком интеллектуальной профессии, которая оплачивается: писателем, режиссером, аналитиком. Или в технаучке, выдавая результаты, которые можно использовать для производства. Часть таких людей сможет сделать нечто значитель-

ное для рационального познания окружающего мира. Вопрос: где именно, в какой части Петербурга и каким именно способом они смогут себя реализовать?

Глава 2. Петербург – странности судьбы

Судьба одних городов очень тесно зависит от судьбы государства. Удел других оказывается совершенно независимым от истории государств и империй, торговых путей и «величия» владык любой степени вменяемости.

Маленькая Лютеция, она же Паризия, в V–VII веках оставалась совершенно ничтожным городишком в сравнении с Суассоном или Орлеаном. Паризию не делали своей резиденцией могущественные епископы и короли. Тем не менее с XIII–XIV веков Париж – центр торговли, науки, культуры, моды, источник постоянных новаций решительно во всем. Он чрезвычайно заметен в европейской жизни. Заметен совершенно независимо от того, был он столицей или нет. Среди прочего, многие считают парижский университет первым «настоящим» университетом. Разрастаясь по каким-то неведомым законам, город буквально вынужден сделать себя столицей Франции.

Краков был столицей Польши в XI веке. С 1569 года он оставался столицей королевства, однако столицей всей Речи Посполитой стала Варшава. После нашествия шведов в XVII веке Краков сильно запустел. Но... краковский или ягеллонский университет – интеллектуальная столица Польши на протяжении веков. В судьбе Кракова явно есть нечто, прямо роднящее его с Санкт-Петербургом. Столичности Краков давно лишен, но остается независимо от этого городом культурных новаций.

Упсала без особой помощи властей предрержащих выросла из языческого, затем христианского культового центра в университетский город общеевропейского значения. Не в королях и епископах дело... Скорее, это сама Упсала стала резиденцией архиепископа, центром торговли всей южной Швеции, местом коронации королей и проведения мероприятий национального масштаба. В XIX веке мрачноватая слава клерикализма и реакционности пришла к Упсале. Свободомыслящие шведы начали противопоставлять ее «просвещенному» и «современному» Стокгольму. Но ведь и такая слава приходит не посредством государственных указов. Так же «самостоятельно» стал крупнейшим культурным центром Мюнхен.

Существуют города, в которых, подчиняясь еще неясным законам общественного развития, происходит активное развитие культуры – выражаясь по-ученому, культурогенез. В этих городах складывается местный по происхождению культуриноносный, культуротворческий слой. Население города по непонятной причине начинает особенно активно заниматься науками и искусствами и добивается в этих занятиях многого. Конечно, заниматься творчеством куда удобнее, если полон кошелек, а город имеет какие-то свои права и привилегии. Во-первых, в богатый город стекаются люди, и не самые худшие; да нужных людей богатый столичный город может еще и сознательно привлекать. Во-вторых, в богатом городе у творцов культуры есть возможность не тачать сапоги или вывозить мусор, а получать плату за совсем иной труд. Холст, подрамники, мастерские и уж тем паче бронза стоят денег. Как и типографии, и металлические литеры, и краска, и бумага, превращаемая в книги.

Если денег на все это нет – культуриноносный слой поневоле будет вести самое скромное существование. Но в некоторых городах этот слой активных, интеллектуальных существует независимо от внешних влияний. Он есть – и все тут. Если появляется хоть малейшая возможность, эти люди начинают заниматься науками и искусствами профессионально. В таких городах постоянно возникают разного рода культурные новации – и в самых разных сферах жизни: от научных открытий до религиозных переворотов, от усовершенствований в музыкальных инструментах до новых форм общественной организации. Жить в таких городах одновременно интересно и тревожно. Тогда как в других городах развитие культуры происходит вяло, в основном за счет приезжих или финансовых вливаний.

С XV века Берлин был столицей: сначала Бранденбурга, потом – Пруссии. В город долгое время стекалась эмиграция, и не только из Германии. В XVII веке добрую треть населения Берлина составляли бежавшие из Франции протестанты-гугеноты... Но ведь это же факт, что роль Берлина как города культуры, невзирая на его «столичность», на многочисленные финансовые вливания, на приезд не худших по качеству эмигрантов, в Германии многократно меньше, чем того же Мюнхена, Кельна или даже маленького Дрездена.

Еще более показательна судьба Лиссабона, и особенно города Лагуша. В этом Лагуше в XV веке знаменитый принц Генрих Мореплаватель создал библиотеку по морскому делу, основал школу штурманов, построил обсерваторию. Какое-то время 4600 приглашенных им из всех стран Европы ученых составляли добрую треть населения города. Постепенно платить стали меньше... – активный творческий народ разбрелся. Притом, что португальцы становились превосходными капитанами и штурманами, сам по себе Лагуш и Лиссабон не породили «местного» творческого слоя. Слава Лагуша взлетела на краткие десятилетия... И исчезла, как только стали платить меньше.

Опасаясь обидеть жителей других промышленных гигантов и древних столичных российских городов, обратимся к Петербургу – к золотнику, который дорог.

В Петербурге рождение интеллектуальной элиты началось с приезда в город уроженцев немецких земель, будущих пылких петербургских патриотов Якоби, Струве – основателей династий интеллектуалов. Еще интереснее история иудейских врачей Семена и Абрама, привезенных в Петербург Петром I с берегов протекающей через Минск реки Слепянки. Их потомки живут в Петербурге до сих пор. В середине-конце XVIII века в Петербурге появились и русские Крашенинников, Лепехин, Ломоносов. Чем дальше, тем больше среди культуруносящего слоя не только чисто русских, но и «уже встречавшихся» фамилий. Можно назвать множество известнейших лиц, перебравшихся в Санкт-Петербург из Москвы, в качестве впечатляющих примеров – выдающиеся медики Пирогов и Боткин. Но почти не бывает обратных случаев.

Исключения есть. Сила Николаевич Сандунов... хотя он, переехав из Петербурга в Москву, бросил театр и занялся будущими банями. А Елизавета Семеновна Сандунова из Москвы возвратилась в Петербург – причем уже после Отечественной войны 1812 года. Из провинциалов по рождению Василий Суриков не любил Петербург и совершенно не хотел в нем жить. Вот Москва ему нравилась, именно там он поселился. Но эти люди интересны тем, что они – исключения.

Этот же процесс шел и при советской власти. Конечно, многих в Москву «вывели» в начале 1930-х, когда в нее переводили все институты Академии наук: новая столица должна была обзавестись подобающими научными центрами. Выращивал – Санкт-Петербург, должна была «пожать», по замыслу коммунистов, – Москва. Конечно, «выведенные» в Москву петербуржцы (среди самых знаменитых – Вернадский, среди менее известных – хотя бы палеонтологи Орлов и Ефремов) сказали свое слово. Но в целом оказавшиеся в Москве научные школы зачахли. Заметно было первое поколение, – то, которое родилось, окончило гимназии, получало образование в Санкт-Петербурге. На этом – все. Если людям давали право выбора – наиболее интересные творческие типы из Петербурга уезжать отказывались – например, Тимирязев.

И сегодня тот же процесс: самые яркие провинциалы, вопреки утраченной Петербургом «столичности», перебираются из провинциальных городов именно в Петербург.

Город вечного «неодобрямс»

Без каких-либо недомолвок или неопределенностей позволю себе не разделять убеждений и представлений любой политической группировки. Но все же – какие интересные вещи происходят в Санкт-Петербурге! В том числе с коммунистами.

В 1946 году возникло такое яркое явление, как интеллектуальная оппозиция петербургских журналов «Звезда» и «Ленинград».

В печально знаменитом постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г.³ печатавшиеся в журналах материалы объявлялись «рецидивом», пережитком царизма и наследием «мрачных времен реакции».

Например, вот отрывки из стихотворения родившегося в Бердичеве Александра Абрамовича Хазина «Возвращение Онегина»:

*В трамвай садится наш Евгений.
О, бедный милый человек!
Не знал таких передвижений
Его непросвещенный век.
Судьба Евгения хранила,
Ему лишь ногу отдавило,
И только раз, толкнув в живот,
Ему сказали: «Идиот!»
Он, вспомнив древние порядки,
Решил дуэлью кончить спор,
Полез в карман... Но кто-то спер
Уже давно его перчатки,
За неимением таковых
Смолчал Онегин и притих⁴.*

То, что Анна Ахматова была и лидером и знаменем интеллектуальной оппозиции – факт. Но в этой оппозиции участвовало множество людей, не только не происходящих из «бывших», но до самых последних десятилетий не имевших к Петербургу никакого отношения. Оппозиция, конечно, несерьезная, смешная. По существу, это вообще была не столько идейная оппозиция, сколько судорожная попытка кучки интеллигентов вопреки всему пытаться остаться самими собой. Даже вопреки инстинкту самосохранения. Хотя бы частично. Хотя бы притворившись, что лоялен, и в узких рамках полудозволенного.

Николай Павлович Акимов никогда не входил в кружок лиц, близких к Анне Ахматовой. Правда, и его в 1949-м выгнали из театра Комедии. Но главное – вот портреты Сталина, висевшие в его доме. Расстрельные портреты, создавать которые было делом предельно рискованным.

Чтобы вести себя так, как родившийся в Харькове Акимов, как родившийся в Бердичеве Хазин, необходимо иметь представление о себе, своей особости. Надо иметь то, что пытаешься сохранить в себе и что не укладывается в отведенные «сверху» содержание и форму. То есть нужна некая отделенность, дистанцированность и от официальной идеологии, и от государства – хоть тоталитарного, хоть супердемократического. Дистанция хотя бы на уровне эмоций, каких-то смутных душевных переживаний. Такую типично «петербург-

³ http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19460814journal.php

⁴ Ленинград – 1946. – № 10.

скую» реакцию на давление извне проявляли те, кто въехал уже в «Ленинград», и притом чуть ли не по комсомольской путевке.

И в более позднее время выкашиваемый, искореняемый всеми средствами «город трех революций» поднимал головы... порой головы совсем недавних переселенцев. Всю «советскую» историю в Петербурге что-то бродило, булькало, не могло успокоиться...

И самые последние в «советской» истории масштабные аресты «не таких» произошли именно в Петербурге. Они получили даже официальное наименование «ленинградской волны» арестов 1981 года: Азадовский, Рогинский, Савельев, Мейлах, Мирек, Клейн...

Попытки убийства города

Характерно, что красные с самого начала чувствовали в Петербурге что-то не свое, что-то опасное для них. Многие поступки большевиков невозможно понять иначе как попытку фактически уничтожить Петербург.

Лидер охватившего Россию революционного безумия, с 1917 года Петербург оказался под властью большевиков. Нигде не было такого количества массовых депортаций прежнего населения. Даже после погубившего Санкт-Петербург голода и серии массовых расстрелов 1918–1919 годов Петербург вызывал некую смутную опаску. И «чистили» его на совесть, старательно пытаясь создать на месте города Петра город имени своего кумира.

Чудовищной силы удар обрушился на город – в первую очередь на его прежнее население. В 1917 году в Петербурге жило 2,3 млн человек. В 1918 – уже 1,469 млн – всего за год исчезло больше 800 тысяч жителей – целая треть⁵. В 1919 году петербуржцев осталось всего 900 тысяч, в 1920–740 тысяч. Огромное количество жителей города было расстреляно, сотни тысяч разбежались. Коммунисты убивали людей даже не за попытки сопротивления, а просто за то, что они принадлежали к тому или иному слою населения.

«Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для эксплуатации низших классов» – так писал член коллегии ЧК Мартин Лацис. И далее: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, образования или профессии. Эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого. В этом – смысл и сущность красного террора»⁶.

18 сентября 1918 года Зиновьев на Петроградской партконференции сказал: «Мы должны повести за собой девяносто из ста миллионов человек, составляющих население Советской Республики... Остальным нам нечего сказать. Их нужно ликвидировать». Цифры, конечно, примерные, но подход чудовищен: истребить 10 % жителей России – несколько миллионов человек.

ЧК – это конвейер смерти для того самого физического уничтожения «буржуазии», о котором говорил Зиновьев. И это механизм тотального ограбления России.

Подлежащие уничтожению проценты – общественная и экономическая верхушка, владельцы основных богатств России. Присвоенное ими имущество необходимо для мировой революции. ВЧК исходно создавалась как механизм получения денег. Очень многие люди исчезли в расстрельных подвалах именно потому, что у них были драгоценности, валюта, золотые монеты, коллекционное оружие, живопись. Мало ли еще чем можно помочь мировой революции...

А помимо массового истребления и массового ограбления – голод.

⁵ Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой Город» http://www.mojgorod.ru/gor_spb/spb/index.html

⁶ Лацис М. Красный меч. 1 ноября 1918 г. – С. 3.

21 ноября 1918 году внутренняя торговля была объявлена государственной монополией, частные торговцы превратились в спекулянтов, которых преследовала ЧК.

Города всегда кормились силами крестьян или жителей пригородов, державших домашний скот и разводивших огороды. Эти полезнейшие люди вдруг – неожиданно для самих себя – перестали иметь право продавать в городах что бы то ни было: хлеб, молоко, творог, масло, капусту, картошку, мясо... Словом, совершенно никакие продукты. Нельзя: частный торговец стихийно порождает капитализм, а ужасы капитализма требуют решительной борьбы.

Исаак Бабель замечательно описал, как зимой 1918 года на перроне Московского вокзала в Петрограде «заградительный отряд палил в воздух, встречая подходивший поезд. Мешочников вывели на перрон, с них стали срывать одежду»⁷.

«Мешочники» – это как раз те, кто пытался провезти в город хоть какую-то еду. Ведь горожане за продовольствие были готовы платить любые деньги, отдавать хорошие вещи – и одежду, и мебель, и патефоны, и украшения, и золото... Что угодно.

Я лично знаком по крайней мере с тремя жителями современного Петербурга, предки которых были убиты во время «борьбы с мешочниками».

Наряду с жирующей верхушкой большевиков появилось новое слово: лишенцы. После введения первой советской конституции 10 июля 1918 года лишенцами стали называть тех, кто остался без политических прав. Но слово родилось раньше – так называли тех, кого власть лишала хлебных пайков.

К числу россиян «второй свежести» отнесли всех священников и детей священников, всех дворян и чиновников всех рангов царской России. По официальным же данным лишенцев было в Советской республике порядка 4–5 миллионов человек. В Петербурге лишенцы составили порядка миллиона.

Купить продовольствие нельзя, это страшное преступление, и кара за него одна – расстрел на месте. Пайка тоже нет, не полагается. Какая судьба ожидала лишенцев, хорошо видно хотя бы на примере Марии Александровны Гартнунг – старшей дочери Пушкина. Едва живая от голода, она несколько раз приходила на прием к Луначарскому; тот всякий раз обещал рассмотреть вопрос, она снова и снова являлась к этому «вершителю великих дел». Луначарский даже созывал своих людей посмотреть на настоящую живую дочку Пушкина, но никакой помощи не оказал: не имела права на паек эта старая дворянка. Мария Александровна, дочь Пушкина, умерла от голода в 1919 году. Существует версия, что пенсию ей назначили, но продуктовый паек не успели принести... Велика ли разница, пусть судит читатель.

Мою прапрабабушку, Капитолину Егоровну Спесивцеву, в девичестве Филатову, петроградский совет тоже лишил пайка. Она умерла от голода в страшную зиму 1919 года.

Ее сын, Петр Спесивцев, не умер от голода только потому, что хорошо умел рисовать, – рисовал цветными мелками портреты прохожих на тротуаре. Позже стал даже членом Союза художников. Кстати говоря, еще дед Петра Николаевича пахал землю – был крепостным мужиком в Тверской губернии. Так что даже с точки зрения классовой теории как-то все тут не очень однозначно...

Умиравшие от голода люди никак не фиксировались, не вносились в списки, не отмечались. Трупы вывозили за город и закапывали. И все. О гибели моих родственников не существует никаких документов. Если бы не семейная память, никто и не знал бы, что такие люди вообще когда-то существовали. Мне известно еще несколько таких же семей, где о погибших в 1919–1920 годах родственниках нет вообще никаких ни официальных, ни неофициальных сведений. Они бесследно исчезли, и все.

⁷ Бабель И. Э. Дорога // Бабель И. Избранное. – М.: Гослитиздат, 1957. – С. 220.

Еще одна категория «исчезнувших» – это уехавшие из Петрограда. Число их можно определить только очень примерно, никакая статистика не велась. Известно несколько крупных ученых, именно в 1918 году срочно переехавших в провинциальные города.

Самый известный из них, наверное, Владимир Иванович Вернадский, ставший в 1918 году профессором Таврического университета в Крыму, и его сын, Георгий Владимирович, срочно переехавший в Пермь, – как только Пермь была взята отрядом генерала Пепеляева.

Среди менее известных – Бернгард Эдуардович Петри. Один из самых ярких сотрудников Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук в Петербурге, с 1918 года – приватдоцент педагогического факультета открывшегося Иркутского университета, в дальнейшем профессор. Учитель таких известных сибирских ученых, как А. П. Окладников и М. М. Герасимов, он прожил в Сибири еще 19 лет. «28 мая 1937 года Б. Э. Петри был арестован по делу немецких специалистов, обвинен в шпионаже в пользу английской и германской разведок, участия в немецко-японской, фашистской, диверсионно-разведывательной, правотроцкистской и панмонголистской организациях. Через шесть месяцев, 25 ноября 1937 г., профессор Петри был расстрелян»⁸.

Наверное, самим большевикам, анархистам, левым эсерам и прочим обезумевшим борцам с человечеством за свои бредовые идеи истребление петербуржцев виделось как борьба с «буржуями»: с теми 10 % населения России, которых они замыслили уничтожить. Вряд ли им приходило в голову, что главная опасность для них исходит даже не от живущих в Петербурге людей, а от самих дворцов, площадей, проспектов, улиц... Маловероятно, что самые интеллигентнейшие из них могли себе представить: даже если депортировать из Петербурга вообще все прежнее население, Петербург будет выворачивать наизнанку сознание заполняющих его пустоту «классово правильных» элементов. Вероятно, революционным психопатам искренне казалось, что они ненавидят «эксплуататоров» и «сатрапов», а не обычные внеклассовые улицы, прекрасные дворцы и чудные закаты над Невой. Но их ждали новые сражения с Петербургом.

Сколько же петербуржцев оставалось в городе к 1929 году? Если считать тех, кто родился в городе, то было их порядка 300–500 тысяч человек. Из 2 млн тогдашнего населения это то ли 25 %, то ли даже 15 % всего населения. Причем в основном это неравноправная часть.

Но стоило пустоте расстрелянного, вымершего, разбежавшегося города начать заполняться – и уже в конце 1920-х с ними происходило то же, что и со всеми прежними волнами петербургского заселения: они неуклонно начинали превращаться в петербуржцев.

В 1939–1940 годах, вопреки всем депортациям и расстрелам, в Петербурге жило по крайней мере 300 тысяч прежних жителей – тех, кто обитал в нем до «эпохи исторического материализма». 10 % всего населения. Но и все остальные жители города находились на разных стадиях превращения себя в петербуржцев.

Трудно сказать, кто больше раздражал властей предержащих – коренные петербуржцы и их потомки, или же новые поселенцы, удивительным образом начинавшие вести себя так же, как прежние жители. Во всяком случае, во время Второй мировой войны власти предприняли действия, которые можно понимать только одним способом: как сознательное и последовательное убийство города.

Блокада продолжалась 872 дня: с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 года. Она унесла жизни примерно 1,2 – 1,5 млн человек – 40 % тогдашнего населения города. Официальная точка зрения с 1941 года по настоящий момент: блокада – неизбежность. Прорвать кольцо блокады было нельзя, доставить продовольствие в город нельзя, сдать город тоже нельзя, вывезти его жителей – опять же нельзя.

⁸ http://www.etnografia.ru/aborigen/1_tofa/cccp/petry.htm

Долгое время сам факт блокады замалчивался. 13 сентября газета «Ленинградская правда» опубликовала сообщение Совинформбюро: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, является обычным для немецкого командования преувеличением». Людям, которые получали командировки в Ленинград зимой 1941 и 1942 годов, «не советовали» рассказывать о том, что они видели. Слухи ходили, конечно, но власти старались, чтобы известно было поменьше. После снятия блокады в 1944 году сводить воедино и тем более обнародовать данные о смертности в Ленинграде было строжайше запрещено.

Официальная точка зрения и «точные данные» о количестве погибших приведены в лживой книге Д. В. Павлова, который в 1941–1942 годах был уполномоченным Государственного Комитета по обороне в Ленинграде и Ленинградской области. Он сообщал, что умерло 641 803 человека⁹. Эта информация вплоть до 90-х годов считалась «единственно правильной».

Вторая тема, табуированная до нашего времени: из Ленинграда был выход на Ладогу. Всю блокаду 60 км побережья оставалось российскими. Не более 30 км водного пути отделяют никогда не захваченный врагом поселок Кобона от этого участка побережья. В 1940 году Северо-Западное речное пароходство перевезло 3,4 млн тонн грузов. К лету 1941 года эта организация располагала 323 буксирами и 960 баржами общей грузоподъемностью 420 тысяч тонн. В дальнейшем произошло еще одно «чудо», оно из многих в истории войны: эти суда загадочно исчезли и появились снова в 1947–1948 годах. А в 1941 и 1942-м Северо-Западное речное пароходство располагало «всего» 77 буксирами и 129 баржами (кстати, даже этого вполне достаточно для подвоза продовольствия, чтобы никакого голода в Ленинграде не было). По официальнейшим данным, никакого вражеского флота на Ладоге вообще не стояло, а авиация противника потопила всего 4,8 % отправленных водным путем грузов.

К сожалению, вот эта сторона блокады до сих пор не изучается. Есть только одна известная мне публикация: Марка Солонина¹⁰. Но даже доставка 800 тонн продовольствия в сутки, выполняемая по озеру (половина необходимого), позволяла установить намного большие пайки, чем 125 граммов в сутки, половину из которых составляли «условно съедобные примеси». Кроме снабжения по Ладожскому озеру, обеспечивать Ленинград продуктами можно было и по воздуху.

Один из эпизодов советской истории, о котором потом пытались «забыть»: попытка СССР блокировать и уморить голодной смертью Западный Берлин в 1948–1949 годах. Тогда три оккупационные зоны, французская, английская и американская, начали объединяться, ввели единую денежную единицу – марку. Началось «германское экономическое чудо». С 21 июня 1948 года был введен режим полной транспортной блокады Западного Берлина с населением в 2 млн человек. Удушить Берлин не получилось: англичане и американцы, вчерашние враги Германии, самолетами ввозили не только продовольствие, но и уголь. Перевезли даже разобранную на детали и собрали в Берлине тепловую электростанцию, работавшую на угле. О «Берлинском кризисе» писали и в советское время, в основном делая упор на то, что и из советской зоны оккупации в Западный Берлин оставляли продовольствие, а западные державы этому препятствовали. В XXI веке появились и более спокойные исследования.

Для нашей же темы главное – даже и по воздуху можно было снабжать всем необходимым громадный город. Действительно: суточная необходимость в продовольствии Ленинграда, если рассчитывать потребности населения по военным нормам, составляет 1500 тонн в сутки. Военный паек – не роскошь, но и далеко не голодная смерть. Доставлять авиацией 1500 тонн в сутки – задача сложная, но выполнимая.

⁹ Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. – М.: Военное изд-во МО СССР, 1958.

¹⁰ Солонин М. Две блокады \ \ Солонин М. Запретная правда о Великой Отечественной. – М.: Яуза-пресс, 2011.

Даже официальные цифры говорят, что в Ленинграде осени-зимы 1941 года расходовалось 510 тонн муки в сутки. Но элементарный расчет говорит, что для пайков, реально выдававшихся населению города, нужно было всего 179 тонн муки. На что же и на кого расходовалась остальная мука? «Городское и областное руководство проблем с продовольствием не испытывало: «В правительственной столовой [Смольного] было абсолютно все, без ограничений, как в Кремле. Фрукты, овощи, икра, пирожные. Молоко и яйца доставляли из подсобного хозяйства во Всеволожском районе. Пекарня выпекала разные торты и булочки», – это из дневника сотрудника столовой Смольного. А вот отрывок из воспоминаний ленинградского инженера-гидролога: «Был у Жданова [первый секретарь Ленинградского горкома] по делам водоснабжения. Еле пришел, шатался от голода... Шла весна 1942 года. Если бы я увидел там много хлеба и даже колбасу, я бы не удивился. Но там в вазе лежали пирожные».

В этом контексте абсолютно логичной выглядит телеграмма Андрея Жданова в Москву с требованием «прекратить посылку индивидуальных подарков организациями в Ленинград, <...> это вызывает нехорошие настроения». Более того, в Москве, в частности, в партийно-номенклатурном руководстве Союза писателей, сложилось мнение, что ленинградцы сами возражают против этих посылок. Ольга Берггольц по этому поводу воскликнула: «Это Жданов – ленинградцы?».

Сам по себе вопрос о «посылках» крайне интересен: значит, отправлять их было возможно? Организации могли слать в Ленинград индивидуальные посылки? Тогда – как же блокада?!

А вот фрагмент (запись от 9 декабря 1941 года) дневников сотрудника Смольного, инструктора отдела кадров горкома ВКП(б) Николая Рибковского: «С питанием теперь особой нужды не чувствую. Утром завтрак: макароны или лапша, или каша с маслом и два стакана сладкого чая. Днем обед: первое – щи или суп, второе – мясное каждый день. Вчера, например, я скушал зеленые щи со сметаной и котлету с вермишелью, а сегодня суп с вермишелью и свинину с тушеной капустой».

Весной 1942 года Рибковский был отправлен для поправки здоровья в партийный санаторий, где продолжил вести дневник. Вот еще один отрывок, запись от 5 марта: «Вот уже три дня я в стационаре горкома партии, это семидневный дом отдыха в Мельничном ручье [курортная окраина Ленинграда]. С мороза, несколько усталый, вваливаешься в дом с теплыми уютными комнатами, блаженно вытягиваешь ноги... Каждый день мясное – баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса; рыбное – лещ, салака, корюшка, и жареная, и отварная, и заливная. Икра, балык, сыр, пирожки, какао, кофе, чай, 300 граммов белого и столько же черного хлеба на день... и ко всему этому по 50 граммов виноградного вина, хорошего портвейна к обеду и ужину... Я и еще двое товарищей получаем дополнительный завтрак: пару бутербродов или булочку и стакан сладкого чая... Война почти не чувствуется. О ней напоминает лишь гроыхание орудий...».

Данные о количестве продуктов, ежедневно доставлявшихся в ленинградские обком и горком ВКП(б) в военное время, недоступны исследователям до сих пор. Как и информация о содержании спецпайков партийной номенклатуры и меню столовой Смольного¹¹. Значит, все время блокады в Ленинграде были люди, которым с Большой земли посылались ветчина, яйца, мясные консервы, сыры, не говоря о крупах и хлебе? А эти продукты выдавались, и не такому уж малому числу людей. Несколько десятков тысяч советских начальников получали свои спецпайки и жили совсем неплохо посреди вымиравшего города. А ведь неплохо – это в плане снабжения продуктами, они ведь к тому же вполне могли и кое-что нажить – например, драгоценности, произведения искусства, которые обменивали на еду ленинградцы.

¹¹ <http://www.rg.ru/2013/01/18/blokada.html>

Я знаком с людьми, которые во время блокады отдавали золотые украшения за хлеб по весу: грамм за грамм. Правда, хлеб был хороший, вкусный и пропеченный – пекли-то его для начальства, а не для населения.

Добавлю еще, что «бывших» старались не вывозить из вымиравшего города. Вдова Николая Гумилева, Анна Николаевна Энгельгардт-Гумилева умерла последней в квартире, пережив свою 23-летнюю дочь Елену. Если же «бывшие» выезжали из Петербурга, то их после войны старались не пускать обратно.

Вот и получается, что блокада укладывается в чудовищную, но вполне реальную и вполне логичную картину еще одного убийства города. Казалось бы – зачем нужно новое убийство? Зачем новая волна смертей – и старых петербуржцев, и тех, кто только начал ими становиться? В том-то и дело, что логика есть, и беспощадная. Вспомним идею борьбы азиатского и европейского начал в России – причем азиатское олицетворяется Москвой, а европейское – Петербургом. Эту мысль очень любил Николай Бердяев, но в общем, он только ярко иллюстрировал то, с чем принципиально были бы согласны если не все – то почти все люди его круга.

Трудно отделаться от мысли, что большевики мыслили так же – но знаки у них полярно менялись полюсами. Где у Бердяева был «плюс», у них «в Европе» располагался «минус». Вот и все! Город, олицетворявший русский европеизм, следовало уничтожить. Людей, воспитанных в этом городе как русские европейцы, следовало истребить, чтобы не мешали «строить светлое будущее».

Очень интересно, что эта оценка полностью разделялась и нацистами. Существовала у них «специальная оценка ленинградского населения». Оказывается, в России два мира – Москва и Ленинград. Москва – это олицетворение азиатской деревни, при необходимости она может стать навозом, нужным для рейха. А вот жители Ленинграда создали из навоза империю, стремившуюся на запад. Вывод – Ленинград опасен для рейха. Его необходимо уничтожить.

Была секретная инструкция членам НСДАП – чтобы они не вступали лишним раз в разговоры с русскими и проявляли большую осторожность в этих разговорах. Русские – хорошие диалектики, они умеют спорить и «обладают способностью убеждать в самых невероятных вещах». Самыми же опасными в этом отношении людьми объявлялись именно жители Санкт-Петербурга¹². Удивляться не стоит – национальные социалисты гораздо меньше отличаются от интернациональных, чем хотелось бы и тем, и другим.

У одних горожан особенности родного города вызывают неумеренное бахвальство – в основном у тех из них, кто сам-то решительно ничего не сделал для его возвеличивания, им приходится гордиться самым фактом рождения здесь. У людей более сдержанных от мыслей об особенностях города появляется некая скромная гордость. У жителей других мест преобладает уважение и интерес, порой – раздражение и гнев.

Петербург можно любить или не любить, дело личное. Но вот чего пока никому не удавалось – так это игнорировать город. Равнодушных к Петербургу почти нет; мало кто смог прикоснуться к нему и продолжать жить так, словно встречи не произошло. Тем более странно, что до сих пор никто не смог объяснить: в чем же именно состоит «особенность» города и как, через какие механизмы он оказывает свое удивительное воздействие на человека?

Никто до сих пор не смог объяснить Петербурга. Никто не ответил на простейший вопрос – почему?! Чем именно этот город таков, чтобы влияние его сделалось таким необычайным, а судьба – удивительной и звонкой, как раннее весеннее невское утро?

¹² Криптон К. Осада Ленинграда. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.

Глава 3. Непостижимое место Петербург

В исследованиях многих теоретиков Петербург предстает как явление немного жуткое из-за своей непостижимости. Про «метафизику Петербурга» говорят ученые международного масштаба¹³, выпускаются целые сборники статей с таким названием¹⁴. Что характерно: про «метафизику Новгорода» или «мистику Москвы» книг и статей не пишут.

Наверное, до конца никто и никогда не сможет постичь великого города. Уверен, что пытающийся рассказать «всю правду» о Петербурге, скорее всего, сильно лжет. Но сегодня Петербург стал постижимее, чем когда-либо, потому что в науке совершилось два открытия. Во-первых, ученые стали изучать один и тот же объект одновременно методами разных наук¹⁵. Никто не мог понять Петербурга, пока смотрел на него с позиций своего частного предмета. Санкт-Петербург слишком сложен, чтобы одна наука могла объяснить его тайну. Во-вторых, не только Петербург, а очень многие явления в жизни людей стали понятнее, когда и самого человека, и творения его рук стали изучать как природное явление – методами естественных наук.

К Петербургу я подошел средствами разных научных дисциплин и как к географическому объекту. Города изображают порой точками на карте – особенно если карта крупного масштаба. Но это ведь вовсе не точки. Петербург – это 1439 км², застроенные 18 тысячами исторических зданий и дворцов. Город протянулся на 90 километров с северо-запада на юго-восток. Самый выносливый человек не сможет пройти за день пространство с юга на север и с востока на запад куска земли, который называется городом Санкт-Петербургом.

В историческом прошлом сам город был гораздо меньше – 12 км² в 1717 году, 54 км² – в 1828-м, 105 км² в 1917-м. Но город рос внутри географического контура, очерченного городами-спутниками еще в начале XVIII века.

Сегодня Санкт-петербургская агломерация простирается примерно на 50 км от центра города. Площадь агломерации, растущей в контуре исторических городов-спутников Санкт-Петербурга, – примерно 11,6 тысяч км². Историческое ядро города – это «все» 550 км². Города вместе с новыми районами, возникшими после 1955 года – 1400 км². Площадь территории первого пояса агломерации вокруг Петербурга – примерно 4840 км². Второго пояса – примерно 6200 км².

Люди в Петербурге рождаются и умирают в пространстве, у которого есть свои географические характеристики. Они становятся петербуржцами не потому, что на них действуют законы экономики и не потому, что такова политика властей. А потому, что сам город воспитывает их.

Чтобы понять город, надо изучать его как географическое явление. К счастью, уже есть методики, позволяющие это осуществить. В физической географии пришлось ввести понятие «селитебный ландшафт»: ландшафт поселков и городов – мест, где селится человек. Учение о селитебных ландшафтах разработано недостаточно подробно, применять его бывает сложно – приходится додумывать многие детали. Но понятие существует.

Разными людьми и в разное время начинались исследования городских урочищ; что характерно – в России такие исследования чаще всего проводятся именно в Петербурге. Петербургом как ландшафтом занимались не связанные друг с другом люди, в разное время

¹³ Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга. Начала и основания. – СПб: Алетейя. 2003.

¹⁴ Метафизика Петербурга. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1993.

¹⁵ В науке это называется методом междисциплинарного межпредметного исследования.

и средствами разных наук. Я не смог бы написать эту книгу, не опираясь на то, что сделали живущие до меня великаны российской науки. Лев Николаевич Гумилев научил меня видеть человека как порождение и творца ландшафтов, в которых он обитает. Владимир Иванович Вернадский и его продолжатели, Михаил Иванович Будыко и Александр Леонидович Яншин учили исследовать человека как геологическую силу, преобразующую поверхность Земли. Очень может статься, у гигантов мысли просто не хватило времени вырвать тайну Петербурга у вечности и рассказать ее людям.

Петербург – это городской антропогенный ландшафт, особо контрастный и мозаичный, и потому – месторазвитие.

Глава 4. Город на стыках

Восточно-Европейская, или Русская, платформа относится к числу древнейших континентальных образований. Геологический возраст пород, сложивших эту платформу в незапамятные времена, колеблется от 2,5 до 1,6 млрд лет. Петербург лежит на этой спокойной равнине, где практически не бывает землетрясений, где вода и ветер за прошедшие миллионы и миллиарды лет сгладили горные хребты. Но Петербург ухитрились построить на стыке двух участков огромной равнины с совершенно разной историей. Здесь кончается та часть Восточно-Европейской платформы, где древние кристаллические породы покрыты чехлом отложений. Мягкие отложения рек очень массивны на Русской равнине – от 800 метров до 4 километров¹⁶. Под Петербургом эта часть древней кристаллической платформы поднимается, почти не прикрытая мягкими осадочными отложениями. Это геологическое образование называют Балтийским щитом. Здесь на поверхность выступают породы, возраст которых превышает 2,7 и даже 3 млрд лет.

Некоторые геологи считают, что это ледник содрал чехол осадочных пород, пропахал глубокие борозды в гранитах. Трудно объяснить, почему именно здесь ледник снял с гранитов и унес осадочные породы, а вот южнее почему-то оставил на месте. Ведь ледник и под Москвой достигал толщины в несколько сотен метров, доходя почти до Воронежа. Может быть, и до оледенения Балтийский щит чем-то отличался от остальных районов Восточно-Европейской платформы? Во всяком случае, это ледник обтесал множество валунов. Гладкие красивые камни размером то с голову человека, то с одноэтажный дом украшают берега бесчисленных озер на Балтийском щите. Быстрые узкие реки соединяют пропаханные ледником ложа озер; озера мелкие, реки порожистые и бурные; они не успели глубоко врезаться в граниты. Ведь только 10 или даже 9 тысяч лет тому назад Балтийский щит освободился от чудовищной тяжести ледника, щит и сегодня продолжает подниматься.

Петербург лежит в пределах Лапландско-Нильского линеамента – то есть колоссального геологического разлома между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской платформами. Места таких стыков-линеаментов богаты полезными ископаемыми, но беспокойны – тому виной вулканизм, перемещения больших геологических блоков, разломы, расхождения плит. Эти вытянутые стыки между платформами – нестабильные места.

Географические страны

На территории Петербурга встречаются две географические страны: Скандинавия и Восточная Европа. Каждая страна – это свои особенности геологической истории, особенности рельефа. Земноводный Карельский перешеек с его множеством мелких озер столь отличается от мягких очертаний Пулковской возвышенности, что удивления достойно, как близко друг от друга расположены такие непохожие местности.

Различны даже берега Финского залива. К востоку и северу от Петербурга, удаляясь от устья Невы, встречается типично скандинавское: многочисленные каменистые островки-шхеры, извилистые узкие заливы, ведущие глубоко внутрь суши, каменные гряды, уходящие от берега в море. Под Териоками, переименованными в Зеленогорск, берег почти такой же, как под Стокгольмом. А к западу от устья Невы начинаются песчаные откосы, дюны с растущими на них соснами – такие же, как под Пярну и под Юрмалой, – это Восточно-Европейская равнина обрывается в Балтийское море.

¹⁶ Лебединский В. И. Вулканическая корона Великой равнины. – М.: Наука, 1973.

Ландшафтные границы

Каждая из географических стран – свой набор животных, растений, даже рыб. Петербург оказывается на стыке множества ареалов распространения растений и животных. Различия между этими странами видны чуть ли не зрительно – потому что через Петербург проходит граница ландшафтов.

К северу от города не растут смешанные леса. Лишь сосняки разных типов шумят на карельских гранитах – то чистые, моховые на песчаных гривках, то травянистые, в местах более низких и лучше увлажненных. Благородный олень и соня в исторические времена не водились севернее Петербурга, а глухарь – к югу от города. Вообще-то географы не считают сосновые леса тайгой. Но очень многие петербуржцы безразличны к этим тонкостям и говорят, что ходят за белыми и красными грибами в лес, а за рыжиками – в тайгу.

Север русской равнины осваивался так же, как и вся остальная территория русского этноса. Но не случайно же именно на Карельском перешейке русские жили мало и неохотно. Там преобладало финское население, а когда оно... ну, скажем обтекаемо: когда оно исчезло после Зимней войны 1940 года, все равно водно-таежный Карельский перешеек осваивали так, как исторически заведено. И сегодня тут маленькие селения, отдельные рощицы, бедные поля, а больше – луга и покосы, окруженные сосновыми лесами.

Петербург – это географический пункт, из которого доступна и Русская равнина с ее плавно текущими, сильно петляющими реками, округленными формами рельефа, уютными березовыми колками, полями и скотом, пасущимся на тучных лугах; и строгий каменисто-земноводный мир Скандинавии, мир молчаливого хвойного леса, бурных мелких речек; мир, освоенный человеком лишь частично. Мир семги, лосей и сосен.

Долина Невы

Большая часть Петербурга и его окрестностей находятся в долине Невы. Долиной реки называют всю местность, которую сформировали ее воды – неважно, в какие времена. Пойма – та часть долины, которую каждый год заливают талые воды. Это не русло, река тут постоянно не течет, но несколько недель в году стоят талые воды.

Нева – короткая река, всего 74 километра, но она – одна из самых полноводных рек Европы. Через Неву уходит в море большая часть воды, вылившейся на весь Русский Север с дождем и снегом. Это молодая река. Всего 4 тысячи лет назад не было на свете никакой Невы. Тогда на месте Балтики плескалось Литориновое море; воды этого моря стояли выше вод современной Балтики на 7–9 метров. Ученые до сих пор спорят о причинах этого явления. Одни ученые считают, что когда отступил ледник, земля стала подниматься. Ведь ледник над современным Петербургом имел высоту порядка 1000 метров. Чудовищная тяжесть исчезла, и почва возвысилась. Это не воды Литоринового моря стояли высоко, это суша была ниже¹⁷. Другие полагают, что 4 тысячи лет назад на всей планете было теплее. Льды Гренландии и Антарктиды таяли сильнее, чем сегодня, и уровень воды в Мировом океане был выше. Кто прав – сказать очень непросто.

Что известно точно – так это что Ладожское озеро долгое время было заливом Литоринового моря. То ли местность поднялась, то ли море опустилось – но озеро оказалось отделенным от моря. Воды с огромной территории стекали в Ладогу, накапливались, и наконец прорвались новой рекой – Невой. Устье Невы всего на 4 метра ниже истока, но долина ее

¹⁷ Долуханов П. М. История Средиземных морей. – М.: Наука, 1988.

широка – порядка 20 километров. Река много раз меняла свое русло, прокладывая новую дорогу к морю.

Вдоль Невы на многие километры тянулся пойменный ландшафт – заливные луга, заросли кустарника, редкие огромные деревья, сумевшие противостоять напору воды во время разливов и в наводнения. Таковы были все острова в устье Невы, все земли вдоль воды – до того, как русские переселенцы превратили пойменный ландшафт в сельскохозяйственные угодья. Ведь большая часть территории Петербурга была распахана уже во времена Великого Новгорода.

Еще один ландшафт, созданный застойными водами Невы, не находящими пути в море – болота. Число их и площадь сильно преувеличены молвой (послушать старых петербуржцев, так Петербург полностью стоит на болотах), но все же под болотами и сегодня находится 2 % территории Ленинградской области.

Получается, что смешанный лес, тайга, заливные луга, пойма, болота – это ландшафты, представленные на очень небольшой территории. Все эти места доступны, они находятся в пределах досягаемости и конного, и пешего.

Стыки народов и культур

Как ни важны природные, геологические и географические пределы, но ведь границы расселения народов, распространения культур, даже государственные рубежи – это ведь тоже границы по-разному организованных территорий. Петербург удивительно всажен в «контрастные» природные ландшафты. Но точно так же он с великим искусством словно бы «поселен» в давно освоенную финно-угорскими народами территорию, лежит между финнами и эстонцами. Сотни тысяч петербуржцев в начале XX века были, как тогда говорилось, «чухонцами».

Территория, где возник Петербург – крайний восток немецкой Ойкумены. В отличие от поздних переселенцев времен Екатерины II – «вольгадойчей», обитателей Поволжья и Алтая, «остзеedayчи»¹⁸вовсе не считали себя жителями «чужбины». Со времен Орденоселились тут мирные крестьяне, торговцы и ремесленники. Прибалтика – территория спорная; в ней вечно соревновались две этнокультурные системы европейского масштаба: русская и немецкая. Представители обоих суперэтносов имели все основания считать территорию своей. Даже в древнем русском городе Пскове в XIX – начале XX века до трети населения составляли немцы. Они называли его «Плескау» – в названии оживает древнее название города: Плесков. Основанный Ярославом Мудрым Юрьев снова стал русским университетским городом с немецким названием Дерпт.

В Петербурге много мест, связанных с немцами, с их домами, ресторанчиками, с местами их компактного расселения, с их легендами. Первое название Миллионной – Немецкая улица. И германский, и финно-угорский мир были представлен в Петербурге немалым числом жителей, многими проявлениями своей культуры.

Существовали в городе и голландская колония¹⁹, и шведская²⁰.

¹⁸ В Германии Балтийское море называется Die Ostsee, Остзее, – в буквальном переводе с немецкого «восточное озеро» или «восточное море». Остзеedayчи – обитатели «земель у восточного озера», прибалтийские немцы.

¹⁹ Мейусе К. Русские голландцы. Начало и конец фризенфейнской колонии в Санкт-Петербурге. 1720–1920. – СПб: Симпозиум, 1998.

²⁰ Шведы на берегах Невы. – Стокгольм, 1998.

Город столичный и портовый

Всякий крупный город – а тем более город торговый, портовый, привлекает гастарбайтеров, купцов, а то и проходимцев из весьма далеких территорий. В Петербурге очень рано поселились французы, итальянцы и англичане, персы, турки и арабы. И как специалисты, и как «деловые люди». Подобно всякой столице империи, Петербург привлекал представителей всех объединенных империей народов, всех окраин. Грузинская, армянская, греческая колонии, мусульмане разных национальностей, даже буддисты свободно жили в городе, имели свои храмы, активно участвовали в жизни Петербурга. Огромная мечеть в Петербурге сравнима по размерам с мечетью Омара в Иерусалиме.

Как и всякая столица, тем более столица могучего государства, Петербург становился местом жительства весьма различных иноземцев – хотя бы получивших политическое убежище французских эмигрантов, бежавших от якобинцев. Вокруг всех посольств и представительств складывались национальные колонии. Число национальных и культурных границ росло стремительно, увеличивало контрастность. Сейчас даже трудно представить себе, каким Вавилоном был Петербург в начале XX столетия. Горожанин оказывался не только между Скандинавией и Восточно-Европейской равниной, не только между болотами поймы Невы и шхерами карельского побережья, – смесь философий и воззрений, сказок и песен разных народов выплескивалась в туманное небо, как петергофский фонтан.

Границы такого рода непрочны! Империи разваливаются. Столицы совершенно не обязательно остаются столицами. Направление торговых путей рано или поздно меняется. Все три изменения произошли на наших глазах: Петербург больше не столица, не торговый город, не центр империи мирового значения.

Смесь народов и культур изрядно поубавил «отец всех народов», по крайней мере народы Европы – немцы, эстонцы, французы – оказались при нем вроде бы виновными в том, что имеют какое-то отношение к «мировому империализму». Город от них старательно очищали и в конце концов почти полностью «избавили». В начале XX века до 200 тыс. из 2,5 млн жителей составляли представители европейских народов: так, шведов было 3 тыс., англичан – 2,2 тыс. человек. В то же время из восточных народов многочисленны были только татары и армяне: в 1910 году татар жило примерно 7 тыс., армян – 2 тыс. человек. Сегодня англичан, голландцев и французов в Петербурге нет, численность немцев не превышает 4–5 тыс., а поляков – 6–8 тыс. человек.

Численность восточных диаспор вообще крайне трудно оценить, потому что сами представители этих народов сообщают совершенно другие цифры, по сравнению с официальными. По официальным данным в Петербурге постоянно проживает примерно 200 тыс. армян, 100 тыс. грузин и 200 тыс. азербайджанцев. Еще около 450 тыс. человек живут в качестве временных рабочих. А если принимать всерьез утверждения глав этих общин, то одних узбеков в Петербурге живет до 750 тыс., азербайджанцев – до 800 тыс. человек. Остается констатировать факт, что население Петербурга на 10–30 % состоит из представителей восточных народов. За 100 лет произошел резкий крен из многообразия европейских диаспор к такому же многообразию – но азиатских.

При этом природная контрастность геологических структур и географических ландшафтов никуда не исчезла. Также и контрастность, вызванная столкновением тут миров финской, скандинавской, русской культуры, неизменно присутствует в городе.

Вопрос – каковы могут быть последствия этого для населения города?

Глава 5. Город – патогенная зона

Через город проходят четыре активных разлома ЛапландскоНильского линеамента. Активный разлом – это линия, по которой расходятся геологические пласты. Или расходятся в разные стороны, или опускаются / поднимаются. В местах таких разломов геологически неспокойно, среда часто и сильно меняется.

«Сейсмо-геодинамическая активизация влечет за собой изменение состава атмосферы из-за притока газов, силы тяжести, магнитного поля, низкоамплитудных импульсивных электромагнитных излучений», – давайте переведем это с профессионального языка: над активными разломами, пока края их расходятся, меняется течение геофизических, геохимических и энергетических процессов. То есть становятся иными как раз базовые, физические и химические характеристики среды; причем меняют облик неоднократно.

Геологически активные разломы

Люди в Петербурге все время как бы инопланетяне – они дышат воздухом, несущим разные элементы таблицы Менделеева, пьют воду, состав которой непредсказуем, срывают одни и те же растения с разным химическим составом; магнитное поле на их планете постоянно меняется (пусть незначительно), а тела пронизывают разные излучения разной интенсивности.

Естественно, с этими людьми начинает что-то происходить. Ведь они уже и химически, по составу своих бранных организмов, и физически начинают отличаться от остальной популяции. В какой-то степени это и правда инопланетники – вовсе не в переносном и не в шуточном смысле.

«Итог этих изменений – возникновение внешне немотивированных и непредсказуемых поведенческих реакций, механизмом которых можно считать скрытые суммационные очаги возбуждения, сформировавшиеся на уровне подсознания. В итоге это приводит к снижению у человека способности адекватно реагировать на действия окружающих и, как следствие, к формированию психогенного напряжения у населения и прибывающих контингентов».²¹ Переведем еще раз: у людей, живущих над активными разломами, на подсознательном уровне изменяются реакции на окружающее. Люди напрягаются, реагируют на поведение окружающих неадекватно. Некоторые из них становятся попросту полубезумны, а то и вообще опасны.

Да к тому же еще эти замечательные разломы влияют и на качество родившихся над ними детей! Не пугайтесь – влияют не всегда отрицательно. Часть малышей как раз сильнее сверстников – в том числе и психологически. Другая же часть не только склонна к заболеваниям, рождается с различными отклонениями в развитии и патологиями. Такие ребята склонны к антиобщественному поведению, к наркотикам, пьянству.

Здоровье детей напрямую зависит от качества родительских организмов. Сильные особи еще более усиливаются, а слабые «выбраковываются» в результате изменения иммунной и гормональной регуляции гомеостаза организмов. В общем, области геологически активных разломов – это места, где ускоряется естественный отбор. Как прямо говорил Вячеслав Александрович Рудник на конференции, посвященной памяти Л. Н. Гумилева, – это зоны естественного отбора.

²¹ Рудник В. А. Геокосмический фактор в этногенезе и Государстве Российском //Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Том 1. – СПб: Европейский дом, 2002.

Называя вещи своими именами, часть людей в таком месте приобретает новые положительные качества, – такие, которые способствуют выживанию. А у других появляются, наоборот, качества, которые все вернее и вернее обрекают их на быстрое исчезновение. Если и не самих этих людей – то уж наверняка их детей и внуков. Существуют весьма разные мнения по поводу того, существуют ли вообще геопатогенные зоны, а если существуют, то какое воздействие оказывают.

Вообще-то выводы о действии таких зон на человека поддержаны серьезным статистическим исследованием: в домах, расположенных над разломами, в два раза повышается заболеваемость ишемической болезнью сердца, в полтора раза – гипертонической болезнью, как результат смертность в этих зонах в 2,3 – 2,5 раза выше, чем за их пределами. Обращаемость взрослых в поликлиники возрастает в 2,3 раза, детская заболеваемость в 2,0 – 2,2 раза, заболеваемость детей лейкозом в 3,5 раза, а таким врожденным пороком, как болезнь Дауна, – в 4 раза.

Рассматривая медико-геоэкологические карты, нельзя пройти и мимо следующего факта. За пределами зон разломов, но на небольшом (100–300 м) удалении от них отмечаются участки жилых массивов из 3–15 домов с населением до 1000–2000 человек, где за 3–4 года не зафиксировано ни одного заболевания раком. На этих же участках практически отсутствует детская смертность, заболевания детей лейкозом и врожденными пороками развития.

Если зоны активных разломов в полосе их влияния, занимающей в Санкт-Петербурге от 30 до 60 % территории, можно с полным основанием рассматривать как «геопатогенные» для человека, то выше рассмотренные участки, на долю которых приходится всего 5–10 % площади, вероятно, и являются благоприятными («благостными») для человека»²².

С точки зрения практической получается так: в Петербурге надо ожидать рождения большого числа гениев, одаренных людей, нестандартных личностей самого разного плана. А одновременно – появления множества уродов, алкоголиков, полусумасшедших и сумасшедших, чудиков и фриков. Но ведь именно это мы и наблюдаем на протяжении всей истории Санкт-Петербурга! Мы видим здесь как появление Менделеева и Гумилева, так и дьячка, лично общавшегося с кикиморой. В наше время это город ученых и художников – но и город наркоманов и психопатов.

²² Мельников Е. К. О влиянии активных разломов на размещение городов и состояние здоровья их населения \ \ II Международное рабочее совещание. Проблемы геодинамической безопасности. 24–27 июня 1997. – СПб: ВНИМИ, 1997.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.